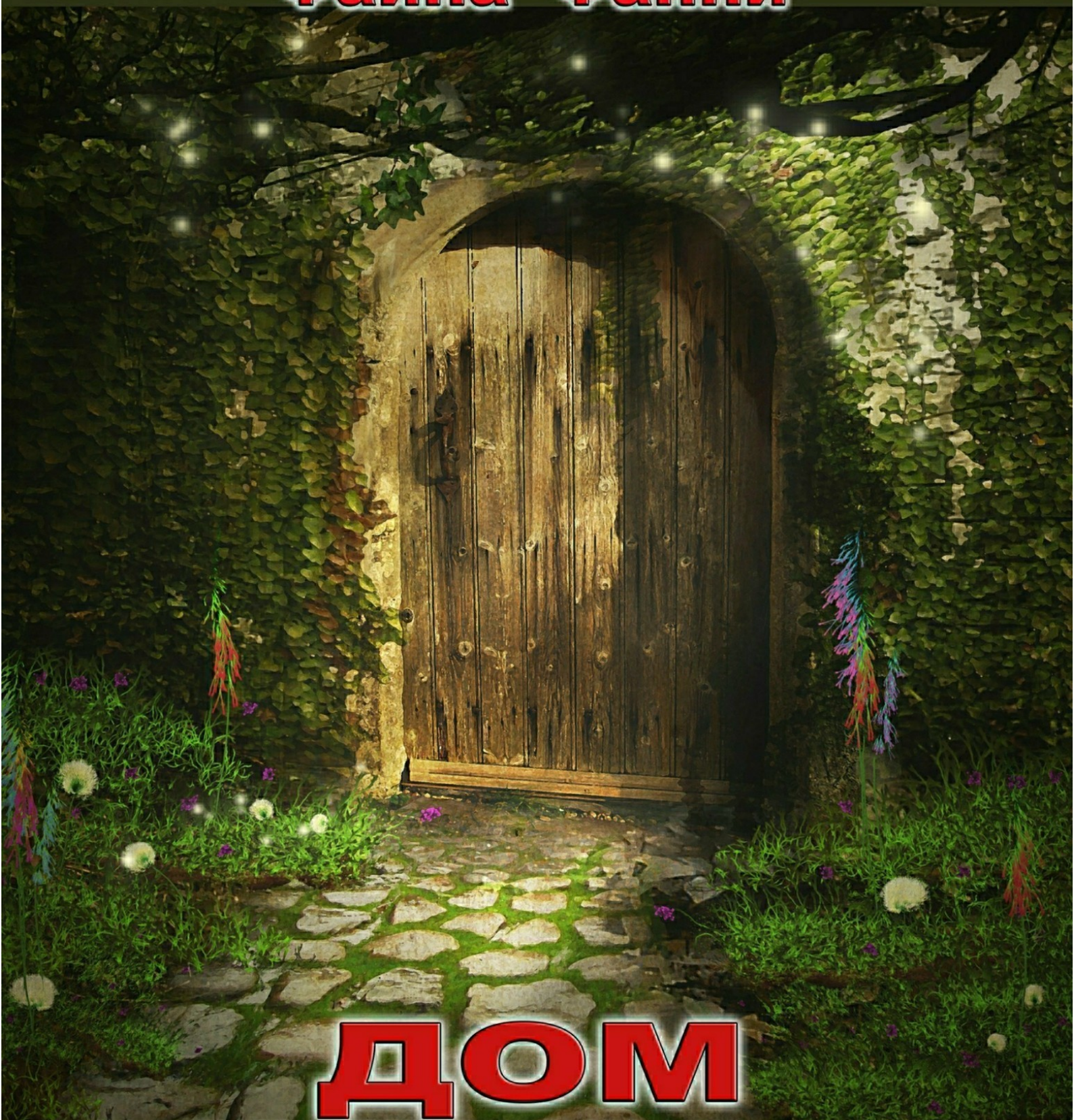

Фаина Фанни

ДОМ

С ГАРАЖОМ И САДОМ

Фаина Фанни

Дом с гаражом и садом

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Фанни Ф.

Дом с гаражом и садом / Ф. Фанни — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Действие, описанное в книге, происходит в провинциальном городке. Главная героиня влюблена и одинока. В её жизни происходят странные события, которым она не может дать объяснения. Её душа страдает настолько, что деформирует время и пространство, в котором она находится. Сложно определить жанр этой повести; это реальность, смешанная с видениями.

© Фанни Ф., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Дом Муж	5
Я влюбилась	6
Погреб	7
Париж Лувр	9
Я и Сана	10
Мой день рождения	11
Коробка с фотографиями	13
Камин	14
Борщ	15
Италия	17
Фотоателье	18
Рим	20
Дома	21
Пудель	22
Дождь	23
Одиночество	24
Сон	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дом Муж

Этот дом мы с мужем купили, потому что он нам понравился, и он недорого стоил. Дом был кирпичный, одноэтажный, с чердаком. В нём было шесть комнат; пять отапливаемых и одна летняя, скорее напоминающая закрытую веранду. Возле дома были небольшие постройки, гараж и сад, он же огород. Мы были очень рады, что смогли купить его. Но вскоре после покупки мы узнали от соседей, почему он нам так дёшево достался. Примерно за полгода до продажи там произошло жестокое убийство. Брат хозяина этого дома зарезал своего приятеля. Состоялся суд, и преступник был осуждён.

Удивительно, но мы с мужем не почувствовали тёмной тени, лежащей на этом доме. Мы были очень счастливы и ничего не боялись. И даже эта неприятная новость не заставила нас сожалеть о покупке. Мы очень любили друг друга, и весь мир переливался для нас радужными красками.

Дом стоял на окраине маленького провинциального городка, в центре России, недалеко от Москвы.. Дали знать о себе крестьянские корни моего мужа, и он занялся хозяйством. Что-то сажал, что-то поливал, а мне нравилось всё, что он делал, потому что я любила его. Вернее корни его были не крестьянские, а казачьи, но его тянуло к земле. Мы поддерживали отношения с соседями, но держали дистанцию, потому что мы отличались от них. Мы не были лучше или хуже, просто, были другие, как два стрижа в стае скворцов.

Так мы безмятежно прожили в доме около трёх лет. Это было безоблачное, счастливое время. Но в один из тёплых осенних дней мой муж исчез. Мобильник его лежал на тумбочке, все его вещи висели в шкафу, документы лежали в сейфике. Всё осталось на своих местах, но его не стало. Я до сих пор не знаю где он. Не знаю, жив он или умер, он просто исчез. И я осталась в этом доме одна.

Сначала я пыталась жить так же, как жила до исчезновения мужа, но потом поняла, что это невозможно. Какая-то часть моей жизни исчезла вместе с мужем. Мне было неинтересно поливать и полоть растения в саду, неинтересно готовить обеды и ужины. Я ела на скорую руку, много читала и много спала. Денег у меня было достаточно. Почти все наши общие деньги лежали на моей банковской карте, и мне, при моём скромном образе жизни, их должно было хватить надолго. Горе от потери мужа было велико, я даже не могла плакать. Я просто впала в какое-то состояние, напоминающее анабиоз. Я знала абсолютно точно, что муж никогда бы не бросил меня, значит, его уже не было в живых. Но эта мысль меня ужасала, и я старалась вообще ничего не думать, для того, чтобы остаться в здравом уме.

Так, в каком-то мутном, сером тумане прошёл первый год моей одинокой жизни, а потом ещё один и ещё один. Боль ушла глубоко, глубоко, так глубоко, что казалось её и нет больше, и мне захотелось вернуться к нормальной жизни. Но что такое нормальная жизнь, я точно не знала, да и до сих пор не знаю.

Я влюбилась

В один осенний дождливый вечер, это было в октябре, я поняла, что хочу жить и хочу быть счастливой. За последние три года у меня не было ни одного контакта с мужчиной. Я никого не хотела видеть. В октябре я влюбилась. Это произошло молниеносно, за пять минут. Я увидела его и сразу поняла, что я люблю его уже тысячу лет. Почему так произошло, я не могу объяснить. Вскоре он переехал ко мне.

Я не могу сказать, чтобы секс с ним мне доставлял бы немыслимое удовольствие, но мне хотелось секса только с ним и ни с кем другим. Я могла смотреть на него часами, слушать его часами, вдыхать его часами. Я полюбила его. Не знаю, любил ли он меня. Скорее всего, нет, но что-то мешало ему сказать, что он меня не любит и уйти от меня. Он остался рядом со мной. У него было, экзотическое для России, имя, его звали Сана. В нём текла кровь французская и арабская, эта смесь бурлила в венах, но внешне он всегда оставался спокоен потому, что считал проявление каких-либо чувств слабостью.

Я очень любила проснуться рано утром и лежать, разглядывая его. Он был красив. Белая кожа, пластичное тело, волосы, иногда вдруг отливающие густо-коричнево-красным, французская утончённость и что-то древнее, финикийское, он был из страны, на территории которой, прежде располагалась Финикия, всё это вместе переплелось, и получился мужчина, который с лёгкостью мог соблазнить почти любую женщину. На его родине шла жестокая война. Таких, как он, убивали без пощады, потому что он не был мусульманином. Он принадлежал к какому-то странному ответвлению, которое почитало и Христа и Пророка Мухаммеда одновременно (некоторые историки считают, что последователи этого течения являются потомками крестоносцев), таких убивали, как предателей Ислама. А он просто хотел жить. Да он и не был набожен, но он был осторожен в высказываниях по поводу веры и своей, и чужой. К моей вере в Бога он относился с уважением.

Родители его в своё время были богаты, но война разорила их. Он, привыкший к комфорту и даже роскоши, безропотно переносил неудобства нашего скромного дома. Единственное, в чём он не мог себе отказать, это хороший кофе, хорошие сигареты и хороший виски. Деньги не были для него проблемой. Иногда он ездил в Москву к своим друзьям, выполнял легальную, честную работу (он знал несколько языков: арабский, русский, английский и даже немного шведский и финский, был очень коммуникабелен), и те платили ему, неплохие по российским меркам, деньги. Когда он уезжал, а это случалось примерно раз в один или два месяца, я очень скучала по нему. Он был солнечным лучом в моей серой жизни. Он источал счастье. Так фонтан в жарком, южном городе источает прохладу и собирает вокруг себя людей.

Когда он возвращался, я бывала на седьмом небе от счастья. Мне даже секса не было нужно, достаточно было сидеть в гостиной, на ковре, у его ног, когда он смотрел телевизор. Я обнимала его колени, и мир превращался для меня в счастливую сказку. Он тоже, по-своему любил меня..., но, увы, по-своему.

Погреб

Это случилось в один из его отъездов. В доме был погреб. Я хранила в нём небольшие запасы: немного картофеля, банки с вишнёвым и красно-смородиновым компотом, различные маринады. Погреб был аккуратный. Внутри было всегда чисто и прохладно. В тот вечер, готовясь к приезду Саны, я спустилась в погреб, чтобы достать баночку малинового варенья, которое он любил. В углу стояли пустые деревянные ящики для картофеля, поставленные друг на друга. Я решила переставить их, потому что они мешали мне. Когда я их убрала, то с удивлением обнаружила за ними маленькую дверцу, которую я прежде не замечала. Она легко открылась и я, взяв с полки электрический фонарик, решила посмотреть, что там, за дверцей. Первые два метра я шла, сильно согнувшись, но потом смогла встать почти в полный рост. Я оказалась в небольшом помещении. В углу стоял маленький шкафчик и скамеечка. Всё было покрыто толстым слоем пыли. Земля кое-где осыпалась. Я смахнула пыль со скамейки и села. Фонарик вдруг стал светить очень слабо и быстро погас. Мне стало не по себе, я вскочила и ударилась головой о земляной потолок, последнее, что я услышала, это был звук, осыпавшегося грунта. Сколько я так пролежала, я не знаю. Когда я очнулась, я с трудом восстановила всё в памяти. Я ощупала пространство вокруг себя и поняла, что вход засыпан землёй. И мне стало по-настоящему страшно. Я не знала, приехал ли Сана из Москвы или нет, я не знала, смогу ли я выбраться отсюда самостоятельно или нет. Я не помню, сколько времени я просидела в раздумьях. Мобильника, чтобы позвонить, с собой не было, да и вряд ли он поймал бы сеть здесь, под землёй.

Потом, то ли от недостатка кислорода, то ли от страха, я уснула, а может это был не сон. Мне приснилось, что я еду в электричке из Сергиева Посада в Москву. В вагоне мало народу, входит женщина в чёрном, просящая подавание. Я подаю ей монету, через некоторое время всё повторяется, она опять входит в вагон, и я опять подаю ей монету, и так три раза. Когда она подошла в четвёртый раз, мужчина сидевший на соседнем сидении, с другой стороны вагона, поднимается и бьёт меня по лицу и повторяет при этом моё имя: «Флора! Флора!». Я проснулась, вижу перед собой лицо Саны. Он бьёт меня по лицу, для того чтобы я очнулась. У него испуганные глаза. Потом он берёт меня за руку и выводит в погреб, вернее мы выползаем в погреб, потому что лаз, который прорыл Сана, узкий. Когда мы поднялись в дом, я рассказала, что со мной произошло. Сана рассказал, как он вернулся из Москвы, как долго искал меня в доме, в саду, на чердаке, пока не нашёл в погребе дверцу, засыпанную землёй. Он догадался, что я нахожусь под этим завалом, принёс маленькую лопату и отрыл меня. Он был очень рад, что я жива и здорова. Я пошла в ванную, чтобы принять душ. Когда я начала раздеваться, я обнаружила, что сжимаю в левой руке странную монету с изображением извивающейся змеи и непонятными знаками по краю, напоминающими греческие буквы, на обратной стороне был мужской профиль. Я не помнила, как эта монета оказалась у меня в руке. Я положила монету в шкафчик с моющими средствами и встала под душ. Я мылась очень долго и тщательно, потом пришёл Сана, потом мы занимались любовью прямо под тёплыми струями воды. Тот, кто когда-нибудь занимался любовью под душем, поймёт меня. Это очень приятно. Потом мы снова мылись. Потом я пошла, готовить ужин из продуктов, которые привёз Сана.

Я поставила готовиться рис в мультиварку. Пожарила рыбу. Приготовила простой салат из помидор и огурцов с оливковым маслом. Готовлю я неважно, но в этот раз ужин удался.

Накрыв стол в гостиной льняной скатертью, я достала тарелки и блюдо из своего любимого сервиза, украшенного яркими бабочками. Мы оба были рады, что мы снова вместе, и ничто нам не угрожает. Сана открыл бутылку своего любимого виски. Я совсем не пью алкоголь, поэтому я пила апельсиновый сок.

Потом мы уснули, потом проснулись поздно утром и жизнь снова пошла своим чередом.

Я проснулась первая, около девяти часов утра. Мы спали на разных кроватях в крошечной спальне, которая как раз и вмещала в себя только две кровати, оставляя узкий проход между ними. В этой спальне было небольшое окно с широким подоконником и с розеткой прямо в подоконнике. Я любила эту спальню. Сана очень любил свежее постельное бельё, поэтому я меняла постельное бельё как можно чаще. Сейчас на его постельном белье были изображены китайские драконы на синем фоне. А мой пододеяльник был в простенький оранжевый цветочек. Я люблю постельное бельё такое, какое было в моём детстве: с цветочками, в горошек, или просто белое.

Я пошла на кухню, готовить завтрак. Поставила в духовку омлет. Приготовила салат из огурцов. Кофе Сана всегда варил себе сам.

Когда он проснулся, и мы сели завтракать, он сказал мне, что открыл небольшой магазинчик в Москве по продаже солнцезащитных очков. Он надеялся, что это улучшит наше материальное положение. Ещё он сказал, что через две недели мы едем в Париж на девять дней. Я, конечно обрадовалась. Я давно хотела посмотреть импрессионистов и гениев Возрождения. В Париже я никогда не была, у Саны там были очень дальние родственники, с которыми он не поддерживал отношений, однако, собирался заглянуть к ним, чтобы отдать дань вежливости.

Париж Лувр

Теперь объясню , почему меня зовут Флорой, а не Таней или Светой. Когда моя мама была мной беременна, она читала «Сагу о Форсайтах» , и под впечатлением, назвала меня Флорой. Правда в Саге была Флёр, но мама трансформировала это имя .Многим моё имя кажется странным. Меня же оно вполне устраивает.

В своё время я серьёзно занималась живописью и даже окончила одно из весьма известных художественных учебных заведений с серебряной медалью. Но жизнь моя сложилась так, что я оставила занятия живописью, о чём очень жалею.

Мысль о том, что я скоро посету Лувр, Версаль и Музей де Орсе, приводила меня в трепет. Две недели я, не спеша, собирала чемоданы и готовилась к поездке, и вот мы оказались в Париже.

Поселились мы в скромном отеле рядом со станцией метро Cadet. На первом этаже отеля было небольшое кафе, в котором мы завтракали по утрам. Но меню было однообразно. За неделю нам надоели круассаны и мюсли с фруктами. Обедали и ужинали мы где-нибудь в городе. Замечательным в этом отеле был только лифт. Я никогда не видела таких крошечных лифтов. Если сильно прижаться друг к другу, выдохнув из себя воздух, то можно было поместиться и вдвоём, но вообще-то он и одного человека вмещал с трудом. Сам номер оказался довольно большим для такого маленького отеля. Окна выходили на маленькую улочку. Там по вечерам около маленького кафе собиралась молодёжь и мне это нравилось. На окнах отеля, как и на всех окнах в центре Парижа, были великолепные чугунные решётки в духе барона Османа. О Париже писать не буду. Париж прекрасен и никакие описания не сделают его лучше, чем он есть. Скажу только, что после посещения своих родственников Сана слёг с температурой в постель и последние два дня пролежал в отеле. Я гуляла по Парижу одна. Потом мы вернулись в наш дом, где Сана проболев ещё несколько дней. Вот почти и всё о Париже.

Теперь о монете, блуждая в лабиринтах Лувра, мы оказались в небольшом зале с древними скульптурами и монетами. К своему великому удивлению, я там обнаружила точную копию той монеты, которая осталась в шкафчике в моей ванной комнате. Монета датировалась 238-244 годами до нашей эры. На монете был изображён профиль финикийского божества Агафодаемона. Змею же финикийцы называли Добрым божеством. Всё это было понятно, непонятным было только то, что у меня в ванной комнате лежала точно такая же монета.

Я долго придумывала различные вариации логической цепи, но так и не справившись с задачей, перестала искать причину того, отчего я невольно стала обладательницей древней монеты. Возможно она стоила дорого, но я решила носить её как подвеску для браслета . Я рассказала о монете Сане. Он заказал оправу из серебра, чтобы не портить монету дыркой, и прикрепил к ней ювелирный карабин. Можно было носить её и на цепочке, на шее. Но я не решилась. Там уже висел мой нательный крест.

А.П. Чехов написал:

"Если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно выстрелит".

Но в реальной жизни происходит множество событий, которые не имеют ни причины , ни следствий. Они просто случаются безо всякого смысла и всё. Поэтому, если мы видим в реальной жизни ружьё, то это не значит , что в конце нашей жизни оно обязательно выстрелит. Оно может висеть так ещё сто лет после нашей смерти.

Я и Сана

Сана после поездки в Париж погрузился. Он сильно тосковал по своей семье, которая осталась в его родном городе на берегу Средиземного моря. Он всей душой любил мать, отца, брата, племянников, но был надолго разлучён с ними войной. Иногда он общался с ними по скайпу и после этого становился грустным и замыкался в себе.

Я очень любила Сану, но моя любовь была похожа на безответную. Он относился ко мне хорошо, даже нежно и бережно, но он не любил меня, и это было причиной моих душевных терзаний. Я знала, что он с лёгкостью сходится с женщинами, но я старалась не ревновать его. Не знаю, ревнива ли я, но я стараюсь не показывать свои темные чувства и не люблю, когда меня ревнуют. С мужем мы искренне любили друг друга, и поэтому для взаимной ревности повода не было. Но Сана был другой. Он часто повторял: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Quod licet Iovi, non licet bovi.»

Опишу вам нашу внешность, чтобы вы могли представить, как мы выглядим.

Я когда-то была худенькой, высокой и даже хорошенькой девушкой. С возрастом я располнела, у меня выросла грудь. Как восточному мужчине, это нравилось Сане. Я редко употребляю косметику, не хожу в салоны красоты, даже стригусь сама перед зеркалом. У меня волнистые, пышные волосы, которые сами ложатся в причёску, с которой я хожу уже со школы. Я не люблю наряжаться и чаще всего бываю одета в джинсы и какую-нибудь романтическую кофточку. Обувь люблю удобную. Если бы вы меня увидели на улице то, скорее всего, не обратили бы внимания на меня.

Сана молод и сразу привлекает внимание. Он красив и хорошо сложен. Любит хорошо одеваться. Короче, плейбойская внешность. Но внутри он другой. Он скромный, хорошо воспитан и очень педантичен во всём.

Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы называли франт.

Короче, мы не были парой. Но что-то держало нас рядом. Внутри нас было что-то похожее. Я очень любила его и до сих пор люблю. Не так, как мужа, по-другому.

Сана любил только свою семью, мать, отца и брата. Ещё он любил виски, сигареты и свою белую Тойоту.

Мой день рождения

Через две недели после возвращения из Парижа, Сана спустился в погреб и укрепил потолок, недавно обнаруженной комнатки, досками и крепкими подпорками. Теперь в неё можно было входить без опаски. Казалось бы, после того, как меня там засыпало землёй, мне следовало бы воздержаться от посещений этого подземного убежища, но меня напротив очень тянуло туда. Иногда я просиживала там по часу.

Сегодня был день моего рождения. Я не люблю отмечать свой день рождения, и если бы не окружающие меня люди, я бы постаралась не вспоминать о нём вовсе. Но я знала, что Сана наверняка купил мне подарок, и я готовила праздничный обед.

Стол я накрыла в гостиной, которая одновременно была и праздничной столовой. В будние дни мы обычно ели на кухне. Она была довольно большая и уютная. В гостиной же было три больших окна. Стоял диван, несколько кресел, стульев и большой, цельного дерева, овальный, с резными ножками стол. Цвета интерьера я в своё время подбирала сама. Тёплый зелёный, холодный зелёный, охристый, золотистый, белый; все вместе они создавали уютную и даже нарядную обстановку. Стол я накрыла старинной с шитьём скатертью. Достала праздничный сервиз. В середине стола поставила вазу с садовыми цветами. Я люблю антиквариат и при случае, если позволяют средства, пополняю запасы фарфоровой посуды и прочего. Вазу я выбрала винтажную, с изображениями пасторальных сценок.

Блюда я обычно подаю по мере их съедания. Сегодня я приготовила курицу, фаршированную всякой всячиной, пару салатов и торт на сладкое.

Сана всё утро был в саду и, когда я позвала его к столу, вошёл в комнату с большим пакетом и маленькой бархатной коробочкой в руках. Он никогда не отличался оригинальностью. Но всё, что исходило от него, было для меня счастьем. Он подарил мне мягкого мишку цвета топлёного молока и тоненький золотой браслетик. Ничего особенного. Но я была безмерно счастлива. Мишка был одет в курточку жёлтого цвета с вышивкой в виде четырёхлистного клевера и надписью *lucky* на груди. Если надавить на его живот, он пел смешную, счастливую песенку на английском, слов которой невозможно было разобрать.

Браслетик мне оказался абсолютно впору.

После обеда, уже ближе к вечеру, мы вышли в сад позагорать, на жарком солнце моя кожа быстро обгорает. В старой деревянной беседке стояли два шезлонга. Мы болтали о чём-то. Было хорошо. Сейчас я понимаю, что это и было счастье. Но тогда это была обычная жизнь. Мы живём только в тот миг, который есть сейчас, и окружает нас только то, что мы видим в этот миг. Это и есть реальность. Всё остальное – это воспоминания или же мысли о будущем. Остального уже нет или ещё нет. Остальное существует только в наших мыслях. И это невозможно изменить. Невозможно вернуться в те счастливые минуты, которые остались в прошлом или перенестись в будущее. Мы обречены, жить только в то мгновение, которое есть сейчас. В то мгновение косые лучи солнца падали на дощатый пол беседки, пахло какими-то цветами, и было слышно жужжание пчелы. Сана задремал в шезлонге, я смотрела в небо. В небе серебряной каплей летел самолёт, оставляя за собой длинный, пушистый, белый хвост. Он шёл на снижение в один из аэропортов Москвы. Я очень люблю летать самолётом. Внизу горы, пустыни, и ты не знаешь их названий. А ночью вид становится сказочным. Огни сгущаются, и образуют города, которые имеют форму, либо круглой паутинки, либо тянутся вдоль побережья. Смотреть на это можно бесконечно. Когда я вижу в небе самолёт, я немного завидую людям, сидящим в нём. Они летят куда-то и даже не подозревают, что в это время я смотрю на их самолет с земли, и тоже хочу сидеть рядом с ними в кресле, выбирать на обед курицу с вермишелью или рыбу с рисом, потом в тесноте есть из маленьких, красивых пластиковых судочков кукольный обед. Порции маленькие, но обед состоит из нескольких вкусных блюд, а

потом чай или кофе в маленькой пластиковой чашке с крошечным пирожным. Здорово. А как приятно оказаться в незнакомом аэропорту, далеко, далеко от своего дома, получить багаж и ехать с услужливым шофёром в отель. Я очень люблю всё это. И мне всё равно куда лететь, лишь бы подальше. Мне очень нравится, когда портье в фирменной униформе отеля берёт мой чемодан и уносит его в мой номер, пока я стою возле ресепшена. Потом прохлада номера, простыни с вензелями, удивительный вид из окна с незнакомыми улицами, домами, людьми. Даже небо в каждой стране своё. Потом душ, большое полотенце с красивой меткой отеля. А первый выход в незнакомый город..., другая жизнь, другие люди, другая еда, другие правила. Это всё очень интересно. А в это время мой дом, там далеко, живет своей привычной жизнью и немного ревнует меня к этой другой, интересной жизни.

Коробка с фотографиями

Монетку, найденную в погребѣ, я прикрепила на браслет крошечным карабином. Получилось неплохо. Старинная финикийская монета. Как она оказалась в погребѣ моего дома ? Я не находила этому объяснения. Комнатка за маленькой дверцей в погребѣ притягивала меня. Когда Сана уезжал, я подолгу сидела в ней. В маленьком шкафчике я нашла большую коробку из-под печенья со старинными чёрно-белыми фотографиями. Некоторые из них были безвозвратно испорчены, но некоторые были в прекрасном состоянии. Ещё в шкафчике стояла керосиновая лампа без керосина. Я садилась на скамеечку и разглядывала фотографии, включив яркий, электрический фонарик. На фотографиях были люди из разных стран, в основном из Италии и Франции, но было несколько фотографий из Швеции. Было несколько фотографий женщин-заключённых в фас и профиль. Лица их были грубые, выразительные. Были семейные, одиночные, детские фотографии. Датировались концом 19, началом 20 века. Последняя фотография была сделана в мае 1940 года. Миловидная женщина в кресле. Тёмные босоножки со множеством переплетений, светлое платье в мелкий цветочек, красиво уложенные волосы, в руке роза. Фото было сделано в фотоателье в итальянском городе Монтекатини, это я определила по красивой виньетке с надписью в уголке фотографии. Я потом нашла описание этого города в Википедии. Оказалось, что это маленький городок с какими-то источниками. Ещё на нижней полке шкафчика я обнаружила старинную куклу, довольно красивую, в нарядном платье с кружевами. На затылке под волосами у неё было написано Milano 50.11. Это убежище в моём погребѣ хранило какую-то тайну, которую я пыталась и не могла разгадать. Сане не нравились то, что я часто сижу в этой комнатушке в одиночестве. Он не интересовался загадками прошлого, поэтому в его присутствии я старалась не спускаться в погреб без необходимости.

Я безумно любила его и боялась разонравиться ему. Он освещал мою жизнь тёплым, солнечным светом. Если хотел, он мог быть очень милым. Одно его присутствие меняло всё вокруг. Жизнь становилась яркой, еда вкусной, сон сладким, а я молодой и счастливой. За это я ему прощала всё. Я догадывалась, что в его жизни есть ещё одна женщина. Но мне не хотелось думать об этом, и я обманывала себя и его, что у нас всё просто великолепно. Мысль, что я могу потерять его, для меня была невыносима.

Когда он бывал в хорошем настроении, он звал меня baby. Может кому-то это милое прозвище покажется банальным и глупым, а я, когда слышала это слово, взлетала от счастья на седьмое небо. В остальные дни он звал меня просто по имени. Занятия сексом для него были необходимостью, а для меня... Я после секса с ним несколько дней не могла прийти в себя, находилась в состоянии эйфории. Я любила его. Для меня это был не секс, а некое телесное выражение любви.

Камин

В своё время мой муж начал делать камин в гостиной, пригласил специалиста, тот выложил камин до половины и потом пропал, потому что деньги ему были уже уплачены. Сана завершил, начатое моим мужем, дело. И теперь вечерами мы имели возможность сидеть около камина и смотреть, как танцует пламя. Зимой и осенью возле него было тепло и уютно. Огонь – это удивительная субстанция. Он имеет гипнотическую силу. Если случалась неприятность по работе или просто было плохое настроение, Сана разжигал камин и долго сидел в кресле, наблюдая за пламенем. Это вселяло в его холодную душу умиротворение. В такие минуты я не походила к нему и не разговаривала с ним, просто приносила ему стаканчик виски. Огонь и виски исцеляли Сану.

В один из таких вечеров Сана сказал мне, что у него появилась возможность получить работу в Финляндии. Сердце моё перестало стучать, а через несколько минут я разрыдалась так горько, что Сана бросился меня утешать и сказал, что он никуда не поедет и останется со мной. Но страх уже вселился в меня и растёкся по венам, как сок ядовитого дерева. С тех пор я начинала метаться по дому, как тигрица, если Сане приходилось задерживаться в Москве. Я боялась, что он исчезнет из моей жизни. Этот страх жестоко мучил меня в его отсутствие, и успокаивалась я только тогда, когда Сана возвращался домой, обнимал меня, целовал и утирал мои слёзы. Затем мы ужинали, сидя друг против друга, а после устраивались в креслах возле камина с чашкой чая или кофе. Языки огня танцевали для нас свой бесконечный танец, их тени танцевали на обоях золотистого цвета и мы затихали, как два ребёнка, заворожённые сказочным шоу. Потом мы уходили в свою спальню или засыпали тут же в креслах.

Утро приносило свои заботы. Так тихо, без особых событий текла наша жизнь. Осень дарила аромат холодных яблок, зима – завывание ветра на чердаке, весна – подснежники, лето дарило себя. Лето состояло из множества приятных вещей; купания, корзинок с земляникой, поездок за границу и секса на мягкой траве под старой вишней.

Борщ

В тот день я решила приготовить к приезду Саны борщ, который он очень любил. Взяла глиняную миску и спустилась за овощами в погреб. То, что я называю погребом, собственно говоря, являлось и является подвальчиком, в который надо было спускаться из комнаты-веранды через большой дощатый люк в полу. Вниз вела узкая лестница в десять ступеней.

Я спустилась в погреб, набрала из ящиков немного картофеля, моркови, свеклы и почувствовала приступ дурноты. Открыв маленькую дверцу, я прошла в свою подземную комнатку и села на свою скамеечку. Поставила миску на колени и прислонилась спиной к прохладной стенке. Через некоторое время я почувствовала покалывание в левом запястье, и сознание моё заполнил приятный жемчужный туман, который обволакивал нервные окончания и действовал как обезболивающее или снотворное, и я уснула, или мне показалось, что я уснула.

Я увидела очень яркий, похожий на фильм в кинотеатре, сон. А может, мне казалось, что это был сон. Как я потом поняла, причиной покалывания, была видимо та самая древняя монета, прикрепленная к моему браслету.

Я оказалась на побережье моря, а может океана или залива. Я стояла на высоком, каменистом побережье, внизу была прозрачная, зеленоватая вода, сквозь которую просвечивало светлое дно. Справа, шагах в десяти, было что-то среднее между хижинкой и пещерой, сложенной из тех же камней, которые были под ногами. Я вошла в неё. В руках у меня была миска с овощами, одета я была в домашнее, синее платье, ручной работы которое в своё время я купила на рынке в Дубае. Оно стоило недорого, но было щедро украшено невероятно ярким узором из разноцветных, переливающихся блёсток – паеток. Это платье мне заменяло домашний халат.

В хижине, которая довольно глубоко уходила в скалу, оказалось два человека, скорее всего, это были женщина и мужчина. Они смотрели на меня, широко раскрыв глаза, как два напуганных подростка. Они были худенькие, невысокого роста. Оба были одеты в балахоны из ткани, напоминающей мешковину, но видимо мягкую, судя по складкам. У женщины балахон был подвязан красноватым, тканым поясом, а голова покрыта такой же мешковиной, но закреплённой особым образом на голове.

В центре пещерки-хижины было камнями выложено место для огня, я поняла это по углям. В дальнем углу навалена куча хвороста. Около стены стояли сосуды : два больших и несколько мелких. Я непроизвольно протянула им свою миску с овощами. Женщина посмотрела на мужчину, тот кивнул, женщина приняла миску и поставила её в угол и снова посмотрела на мужчину, тот сказал ей что-то на непонятном мне языке, и они оба опустили передо мной на колени, и, вытянув вперёд параллельно руки, положили на них голову. Так прошло минут пять, я не знала, что мне делать. Я подошла и жестом дала понять, что я хотела бы, чтобы они поднялись с колен. Они встали. Мужчина что-то сказал и женщина принесла мне грубую чашу без ручек с водой. Я выпила воду, вода была невкусная, с солоноватым привкусом, но я поблагодарила за неё кивком головы. Дурнота прошла, но я чувствовала усталость и присела на большой булыжник у входа. Сон был очень яркий, похожий на реальность. Сколько я просидела так, я не помню, всё это время мужчина и женщина не сводили с меня глаз и о чём-то разговаривали между собой шёпотом. Внешне они были похожи на южных людей, но отличались невысоким ростом и худобой. Женщину можно было бы назвать даже красивой, если бы не худоба и чрезмерная смуглость кожи.

Постепенно моё сознание начал обволакивать туман и сквозь него я услышала, что меня зовёт Сана : «Флора, ты где ?». Я проснулась и быстро поднялась наверх. Оказалось, что Сана искал меня по всему дому, в погребе и в подземной комнатке тоже, но нигде меня не нашёл. И самое удивительное, что была уже не пятница, а суббота, Сана задержался и приехал днём

позже. Получалось, что я проспала в погребе целые сутки. Борща я не приготовила и миску тоже не нашла. Я не могла всему этому найти объяснения и всё списала на свою постоянную рассеянность. Впрочем, в борще необходимости и не было, потому что мы с Саной сразу поехали в соседний городок по его делам, и там же пообедали в одном чудесном ресторанчике. Ели утку под брусничным соусом с тоненькими, тёплыми лепёшками и фруктовый салат. Хозяин ресторана упаковал нам ещё две порции в специальные картонные коробки, которые мы захватили с собой, и потом дома они и составили наш ужин. Сана купил пару бутылок вина, которое ему понравилось. День закончился просмотром какого-то фильма, сюжет которого я никак не могла уловить.

Италия

Тем летом мы ездили в Италию. Долетели самолётом до Венеции. Пробыли в ней один день, а потом путешествовали по стране на ,арендованном в аэропорту Марко Поло, автомобиле.

В Венеции посмотрели всё, что смотрят обычные туристы. Удивил мозаичный пол 12-го века в соборе Святого Марка , по которому можно было ходить, и гигантский круизный лайнер , который шёл по каналу, напоминая слона в посудной лавке. Он был несоразмерно велик. Вот и всё о Венеции.

В Италии есть всё: высокие горы, прекрасные долины, чудесные побережья, вкусная еда, древняя история, может быть, поэтому итальянцы в отличие от нас, не стремятся путешествовать за границей. Им и в Италии хорошо. Бесконечные поля с ярко-жёлтыми подсолнечниками, высокие горы с тоннелями, в которых закладывает уши, сказочные замки на вершинах скал...здорово.

Следующий город был Флоренция. Я назвала её Золотая Флоренция, не знаю почему. Ходили по музеям, пока ноги не онемели и не перестали чувствовать боль. Запомнился древний водопой для людей в виде двух кранов на площади Синьории . Из одного шла обычная вода, из другого –газированная. От него не хотелось отходить, потому что было жарко. Ещё запомнился миловидный итальянский паренёк – зазывала , который обратился к Сане по-русски : « Эй, братан, зайди, выпей чашку кофе».

Потом мы оказались в маленьком городке Монтекатини. Остановились в небольшом отеле . Вид в окнах напоминал фотообои: высокие и близкие горы. По утрам из-за них поднималось солнце и почти мгновенно освещало маленький городок.

Сана устал от просмотра достопримечательностей, и я утром отправилась одна , посмотреть , что есть интересного в городе. Для туристов он не представляет большого интереса. Но я очень люблю гулять по незнакомым, неизведанным городам. Мне всё интересно.

Я спустилась пешком вниз, к центру городка. Там находилась небольшая железнодорожная станция и проходила одна центральная улица. Я пошла по ней, заглядывая в маленькие магазинчики. Но купила я только магнитик на холодильник с видом города. Потом зашла в небольшой ресторанчик. Съела макароны – пасту с зеленоватым соусом песто с трюфелями, предварительно узнав , сколько это будет стоить, я не люблю транжирить деньги. Это оказалось вкусно и не очень дорого.

Потом я решила вернуться обратно по противоположной стороне улицы. Шла медленно, изучая витрины. Некоторые витрины были современные, некоторые в стиле ретро. Я люблю их разглядывать. К тому же их можно использовать в качестве зеркала, посмотреть на своё отражение, и остаться довольной своим внешним видом, или наоборот.

Но одна витрина особенно привлекла моё внимание. Я долго рассматривала её. Она не была в стиле ретро. Она была похожа на настоящую старую, витрину. Ателье стояло особнячком. Оно пряталось в небольшой арке. Мимо него можно было пройти, совсем не заметив его. Все предметы в витрине были покрыты слоем пыли. Там стоял старинный фотоаппарат на деревянной треноге, кресло в стиле «буль» с потёртой бархатной обивкой бордового цвета, свисала оливковая портьера с золотыми кистями, а чуть ниже, на маленьких ступеньках витрины были разложены фотографии. Разглядеть, что это за фотографии было трудно, но я догадалась, что это, в основном, портреты. Меня разбирало любопытство. Я дёрнула медную ручку большой, резной двери, и, к моему большому удивлению, она со скрипом открылась.

Фотоателье

Я вошла. После яркого солнечного света глаза с трудом привыкли к сумраку. Первое, что я отметила, это был запах. Я не отличаюсь острым обонянием, но запах был специфическим. Пахло чем-то очень старым. Воздух был густой, он был наполнен смесью запахов. Одновременно пахло старыми обоями, содержимым старушечьего платяного шкафа, столярным клеем, долго ношенными ботинками и ещё чем-то непонятным, древним. Я спустилась по ступенькам вниз, держась за массивные перила. Помещение оказалось полуподвальным, с одним небольшим полукруглым окошком, в котором из-за пыли ничего не было видно. В старинной медной люстре горели лампы, но так слабо, что едва различались предметы. Вдоль стен стояли кресла, деревянный диванчик без обивки и три стула. В правом углу стоял круглый столик. В другом большое кресло, типа вольтеровского. И тут я увидела старушку, она сидела в этом большом кресле, согнувшись, и как я потом поняла, вязала что-то. Голова её была повязана полупрозрачной косынкой, на носу были круглые очки, губы ярко накрашены. Она что-то напевала, моё появление осталось для неё незамеченным. И только когда я подошла к ней близко, она оставила вязание и посмотрела на меня поверх очков. Выражение её лица менялось медленно, как при замедленной съёмке. Через минуту или две она улыбнулась мне, видимо, лучшей своей улыбкой. Я не понимаю по-итальянски, но несложно было догадаться, что она мне хочет понравиться и предлагает мне сесть рядом с ней на стул с высокой резной спинкой. Я села, поблагодарив по-английски. Но она не понимала по-английски. Мы стали объясняться жестами. Язык жестов понимает любой человек, главное, показывать точно и наглядно. Она попросила меня подождать и минут через пять вкатил деревянный столик на маленьких деревянных колёсиках. На столике стоял высокий кофейник, пара чашек и блюдечко с двумя печеньями, похожими на наше овсяное печенье. Честно говоря, мне совсем не хотелось пить кофе, приготовленный этой древней старушкой в этом пыльном помещении. Но я поняла, что мой отказ обидит её. Я сделала глоток, кофе оказался удивительно вкусным и ароматными. Я допила весь. И тут старушка начала говорить, сопровождая речь жестами, она говорила долго. Я поняла, что она и есть владелица этого ателье и что она хотела бы сделать мою фотографию. Она написала на клочке бумаги цену, но я не поняла была ли эта цена в евро, потому что, если в евро, то это было бы очень дорого. Я долго отказывалась, но старушка настояла, и мне пришлось согласиться. Меня очень удивляло то, что это ателье вообще существует. Кому придёт в голову фотографироваться здесь, если каждый сейчас имеет собственный цифровой фотоаппарат.

Старушка посадила меня на высокую табуреточку, напротив старинного деревянного фотоаппарата, а сама вышла в соседнюю комнату. Так я сидела очень долго, пока не затекли ноги, потом я попыталась её позвать, но она не откликнулась. В конце концов, мне всё это надоело и я, взяв сумку, прошла в соседнюю комнату. Комнатка оказалась крошечной и абсолютно пустой, стены были отделаны пластиком с абстрактным рисунком, две ступеньки вели к пластиковой двери с узенькой стеклянной вставкой. Я открыла дверь и оказалась на улице, в каком-то маленьком тупичке. Поблуждав по переулочкам, я вновь вышла на единственную главную улицу города и направилась к своему отелю. Был уже вечер, я подумала, что Сана, наверное, ждёт меня. Я прибавила шагу и вскоре оказалась в своём номере, в котором не оказалось Саны. На столе лежала записка, что он не мог дозвониться до меня и уехал в Рим. На моём же мобильнике не было никаких пропущенных звонков, но меня очень удивило число. Если верить мобильнику, получалось, что я отсутствовала три дня. Я спустилась на ресепшн и узнала какое сегодня число. Мой мобильник не врал, я отсутствовала три дня. Я позвонила Сане и через полчаса, узнав как быстрее добраться до Рима, уже ждала автобус возле железнодорожной станции, ночью я уже была в Риме, в отеле, который мне назвал Сана. Я оплатила

отдельный номер, оставила в нем сумку и отправилась в номер к Сане. Открыв дверь, он обнял меня. Час ушёл на то, чтобы рассказать, что со мной случилось. Он слушал меня с недоверием, потом проворчал, что я вечно попадаю в какие-нибудь истории, а потом мы уснули, крепко обнявшись. Может кому-то покажется, что было нехорошо со стороны Саны бросить меня в Монтекатини и уехать в Рим, но я его поняла. Дело в том, что в начале наших отношений я, чтобы отомстить ему за невнимание ко мне, демонстративно изменила ему с очень привлекательным парнем. Он простил меня, потому что и сам был не без греха, но, я думаю, где-то в глубине души, он затаил на меня обиду. Он не доверял мне. Поэтому и уехал в Рим. А мне пришлось принять это, как данность. Как говорится, сама виновата. Не надо было изменять, даже в отместку. К тому же я так любила его, что готова была простить ему любую его ошибку. Но и он мне многое прощал.

Рим

Рим подарил новые впечатления, которые заставили нас забыть о событиях в Монтекатини. Колизей, фонтаны, виды археологических раскопок, короче, то, что видит любой турист, всё это было очень интересно. Мы с удовольствием фотографировали друг друга на фоне этих древностей. Внутрь Колизея мы входить не стали, что-то удержало нас от этого. Зато мы сфотографировались на его фоне с двумя ряжеными, которые изображали из себя римских солдат. Красные плащи, кожаные сандалии; фотография получилась замечательная. Выстояв огромную очередь, попали в Ватикан, посмотрели Сикстинскую капеллу, вернее её потолок. Потом просто бродили по Риму. Заглядывали в разные ресторанчики, магазины. Купили макароны в виде Колизея и мужского фаллоса. Отель, в котором мы остановились, был современным, удобным. В моём номере преобладали оранжевые и серые цвета, а в номере Саны – коричневые и сиреневые. Необычные сочетания. Внизу огромное кафе, шведский стол, но еда мне показалась невкусной. Ели в городе. Метро в Риме ещё более грязное, чем в Париже. Арендованным автомобилем Сана в городе не пользовался. Он оставил его на парковке возле отеля. Так прошла неделя. Потом мы отправились обратно в Венецию. Заехали в монастырь францисканцев, в крохотное государство Сан-Марино и оказались в небольшом прибрежном городке. Купались в Адриатическом море и потом в аэропорт Венеции и домой. Дом наш терпеливо нас дожидался, и радостно захлопал, забытой мною на веревке, яркой простыней, когда мы с Саной в пять утра открыли калитку. Я приготовила завтрак на скорую руку, мы перекусили и завалились спать в свою уютную крошечную спальню, не распаковывая чемоданы.

Дома

Утро разбудило меня солнечными лучами. Они проникли сквозь кружево занавесок и украсили обои весёлыми, дрожащими солнечными пятнами. Проснуться рядом с любимым мужчиной, разве это не счастье? Я встала и на цыпочках, чтобы не разбудить Сану, прошла на кухню. В гостиной стояли чемоданы, но мне не хотелось ими заниматься. Я поставила в духовку творожную запеканку. Замороженный творог я нашла в морозилке. Разморозила, добавила изюм и яичный порошок. Вышла в сад. Собрала крошечный букетик бархатцев. Дома нашла подходящую вазочку, оранжевую, с золотым ободком. Поставила в вазочку бархатцы. Застелила стол свежей скатертью. Из духовки донёсся необыкновенно вкусный запах, я достала запеканку. Из спальни вышел Сана в новых итальянских трусах. Они были очень смешные. На них была фотография пениса Микеладжеловского Давида. Я купила их для Саны во Флоренции. Мы завтракали, сидя друг против друга. Молчали. Было очень хорошо. Такие минуты запоминаются надолго, на всю жизнь. Потом переместились в гостиную, разбирать чемоданы. Некоторые вещи я отправила в стирку. Что-то повесила в шкаф. Сувениры поставила в застеклённый шкафчик. Потом мы поехали в магазин, чтобы пополнить запасы продуктов. Набрали всякой всячины. Потом я готовила обед, а Сана грузил фотографии и видео, снятые в Италии, на комп. Вечером мы их рассматривали. На правой стороне лица Саны: на щеке и лбу есть несколько родинок. Вместе они образуют некое созвездие. Я целовала эти родинки-звёзды сначала по часовой стрелке, потом против. Потом, выйдя в сад, мы смотрели, как солнце садится за деревья. Тот закат был романтический. Лёгкие облачка, подсвеченные снизу теплым светом. Фотографий заката в интернете огромное множество. Но все закаты разные, как отпечатки пальцев человека. Потом мы вернулись в дом и отправились спать. Так прошёл один из наших счастливых дней. Ничего особенного, просто покой, солнце и уют.

Пудель

Следующий день начался с неприятного события. Во дворе, между построек стояла маленькая клетка. Она осталась от прежних хозяев. В клетке прежде жили то ли кролики, то ли птицы. Она была небольшая, размером с тумбочку под телевизор. Я давно её хотела выбросить, но не доходили руки. Утром Сана обнаружил в ней большого, темно-серого, мертвого пуделя. Он лежал в клетке, занимая её полностью. Казалось, что он просто спал, но он был мёртв. Мы с Саной вспомнили, что видели этого пуделя возле дома, который, находился метрах в пятидесяти от нас, на противоположной стороне улицы. Вскоре мы нашли хозяев пуделя и сообщили им, что их пёс лежит мёртвый в нашем дворе. Мы боялись, что хозяева заподозрят нас в убийстве пуделя, но они сразу сказали, что, видимо, собаку отравил их сосед, с которым они не ладили, и что пудель просто пришёл к нам умирать. Почему он выбрал именно наш двор, было непонятно. Пуделя вскоре забрали, но день был омрачен его смертью. У нас не было своей собаки. Сана был равнодушен к домашним животным. Но прежде у нас с мужем была собака. Она прожила с нами двенадцать лет. Звали её Макбет..., леди Макбет. Она была метиской среднего, чёрного, немецкого шпица. Красавица и умница, она была очень привязана к нам, и мы к ней тоже. У неё была особенность: она очень бурно реагировала на одну, единственную песню, " Мама, мама, что мы будем делать, мама, мама, как мы будем жить. У тебя нет теплого платочек, у меня нет, зимнего пальта.".Стоило кому-нибудь из нас запеть эту жалобную, сиротскую песню, как Макбет бросалась на грудь к поющему и начинала неистово облизывать ему лицо. Так трогала её эта песня. Теперь у меня не было ни мужа, ни собаки. Теперь у меня был только Сана, который прекрасно мог обойтись и без меня, а я без него обойтись не могла, он был мне нужен, как солнце.

Чтобы как-то поднять себе настроение, мы отправились с Саной в соседний городок. Посидели в ресторане. Когда Сана выпьет что-нибудь покрепче, то за руль сажусь я, но я очень не люблю водить машину. Домой мы вернулись, когда закат был в самом разгаре. Золотые облака были щедро рассыпаны по-над горизонтом, край неба был розовым, как клубника в молоке. Я постояла в саду, дождалась, пока солнце не скроется за горизонтом, потом пошла в дом. Сана одетый уснул на диване в гостиной, я пошла в нашу спальню, почитала и уснула.

Дождь

А на следующий день начался дождь. Дождь с большой буквы, потому что он шел десять дней, не переставая. Сана не любит дождь. Он из той страны, где всегда хорошая погода. Мы с Саной оказались, как на необитаемом острове. Дождь заставил нас закрыться дома и сидеть, не высывая носа. Сначала мы занимались сексом, потом и это надоело. Мы сидели у камина, Сана подбрасывал дрова, а я лежала на диване и читала. Сана любит музыку. В его ноутбуке звучал его любимый Брайан Адамс. " Heaven". Звук дождя смешивался с песней, и от этого было грустно. Я не чувствую музыку, у меня почти нет слуха, я не умею петь, я просто люблю отдельные песни. Эта песня мне нравилась. Вообще мне нравилось все, что нравилось Сане, потому что я любила его. За окнами темными ветками трепетал на ветру, насквозь промокший, сад. Куда-то делись птицы. Что они делают во время дождя, где прячутся? Сана стал раздражительным. Он ненавидит любое ограничение его свободы, и он не может подолгу общаться с одним и тем же человеком, в данном случае со мной. Он взял бутылку виски и спрятался от меня и дождя в, так называемом, кабинете. Я оставила его в покое. Только иногда звала в гостиную, то пообедать, то поужинать. Запасы продуктов в холодильнике уже подходили к концу, когда дождь наконец закончился. Конечно, можно было и во время дождя съездить в магазин, но это бы разрушило иллюзию необитаемого острова. Мы поехали за продуктами, только когда кончился дождь. День был ясный, солнечный и даже жаркий. Через три часа все высохло так, как будто и не было дождя. Заполнили холодильник новыми запасами. Вечером Сана уехал в Москву и я осталась одна.

Одиночество

Одиночество – это сильная вещь. Оно может убить человека, может изуродовать, но может исцелить и возвеличить. В молодости одиночество было для меня пыткой, такой же, как для японки маленькие туфельки, но вот нога изуродована, и японка может ходить только в этих крошечных туфельках. Так и мне, постепенно, одиночество стало необходимо. Я перестала от него страдать. Но я страдала от того, что боялась потерять Сану. В мою голову приходили самые ужасные мысли. Я представляла, как он изменяет мне. Эти мучительные миражи терзали мое сердце. Я начала плакать по вечерам. Он звонил мне каждый день, но всего один раз, ближе к вечеру. Я ждала этих звонков и только после звонка я засыпала. Но и ночью моя душа не знала покоя. Мне снились тревожные сны. Сны были разные, но суть их была одинакова. Я в них теряла Сану. Я пыталась догнать его, но он всегда куда-то исчезал. То уходил за угол дома, то пропадал за деревьями в лесу, то просто выходил в дверь. Я пыталась догнать его и не могла. Сны были тяжелые. Я рассказывала о них ему по телефону, но он говорил, что все это глупости, что это всего лишь сны, и не надо придавать им значение. Днем я занималась садом и домом, это отвлекало меня. Иногда я шила. Я люблю шить. Могу сшить себе что-нибудь из одежды. У меня был красивый белый хлопок с вышивкой на нем. Вышивка белыми нитками на белом же хлопке. Я сшила из него себе курточку с капюшоном. Получилось неплохо. Я знала, что Сана похвалит меня за это. Ему нравилось когда я занималась делами, свойственными женщине, домохозяйке.

Когда Сана отсутствовал, может быть от тоски, меня всегда тянуло в погреб, в ту самую, тайную комнатку. И в это его отсутствие, я не удержалась и спустилась туда. В комнатке все было по-прежнему. Подпорки надежно держали низкий потолок. Я села на скамеечку, прислонилась спиной к дощатой обшивке стенки. На мне было льняное, бежевое платье, очень простое, почти балахон. На ногах были кожаные сандалии. Я опять почувствовала привычное покалывание в районе пульса, опять в голову проник густой, теплый туман, и я уснула...или не уснула.

Сон

Я оказалась в густом кустарнике, который рос возле грунтовой дороги, которая была больше похожа на широкую тропу. По дороге мимо меня шли люди. Они не замечали меня. Кустарник был густой. Люди, мне показались измученными и худыми. В основном это были мужчины, но изредка встречались и женщины. Одеты они были в лохмотья. На ногах у некоторых было что-то вроде кожаных носков, но большей частью они были босы. В руках у некоторых были косы или просто палки с железным наконечником, в виде небольшого, заостренного конуса. У многих на лбу был нарисован крест, у кого красноватой глиной, у кого сажей. У некоторых крест был нарисован на их грубых балахонах. Мимо меня проехали два всадника. Одеты они были гораздо лучше остальных. Крест из черной ткани был нашит на их короткие плащи-накидки. Уже отъехав на расстояние шести – восьми метров, один из всадников неожиданно обернулся и увидел меня, потом он что – то сказал своему товарищу и они, повернув коней, подъехали ко мне. Всадник в серовато-синем плаще обратился ко мне на языке, отдаленно напоминающем английский. Однако понять его я не смогла. Страх сковал мое тело и язык. Я была очень напугана. После долгих объяснений, я поняла, что он предлагает мне сесть на лошадь, позади него. Я не рискнула отказаться и с трудом забралась на лошадь. Седла не было, сидеть было крайне неудобно, приходилось держаться за всадника, от которого исходил острый запах пота и немытого тела. Вскоре всадники остановились и спешились. Я с радостью спустилась на землю и долго разминала, затекшие от неудобного сидения, ноги. Всадники внимательно разглядывали меня. Но в их любопытстве не чувствовалось угрозы. Они разглядывали меня, как дети разглядывают незнакомое насекомое или бабочку. Вскоре один из них собрав хворосту зажег костер, перед этим он очень долго стучал темным камнем об более светлый. Я поняла, что добывание огня было для него делом хоть и привычным, но все -таки трудоемким. Другой всадник в это время собирал какую-то траву неподалеку. Затем зачерпнув воды из небольшой, луговой лужи, они установили горшок над огнем. Впрочем вода в луже была чистая. Потом каждый из них достал из своей холщовой сумки по большому черному сухарю и по горсти какой-то непонятной крупы или зерна. Все это ссыпалось в горшок. Туда же была отправлена трава, собранная одним из всадников. Для простоты я назвала их для себя Синий и Коричневый, по цвету плащей. Трава была похожа на щавель, а может это и был щавель, я не знаю. Вскоре вода закипела и Синий помешал тростинкой это странное варево. Когда еда, по их мнению, была готова, они сняли горшок с огня и поставили его остывать. Потом они с аппетитом поели эту похлебку. Ели большими деревянными ложками. Предложили и мне. Хоть мне есть совсем не хотелось, я, чтобы их не обидеть, съела пару ложек. Еда была удивительно невкусной, что – то кислое и странное. Потом они начали выяснять, как меня зовут, я назвала свое имя, они радостно заулыбались, значит имя мое им понравилось. Потом они назвали себя. Синий оказался Милон, а Коричневый – Ги. Потом, неожиданно для меня, Милон взял остывающий уголек и нарисовал мне крест на лбу и на моем платье, спереди. Если честно, то я уже начала догадываться кто все эти люди, которые продолжали идти мимо нас по дороге. Их объединял именно этот нарисованный крест. Они были христианами, это было понятно и потому, что время от времени они, обратив лица в одну сторону и воздев, сложенные руки, молились. Так же поступали и мои новые знакомые. Я тоже молилась вместе с ними. Мне это было несложно делать, потому что я тоже христианка и к тому же в этот момент особенно нуждалась в Божьей защите. Когда наступила ночь, мы легли спать возле костра, лошади паслись неподалеку. Возможно моя молитва возымела действие, потому что никто не домогался меня, чего я очень боялась. От усталости я уснула..., а проснулась уже в собственном погребке. Я поднялась наверх, на всякий случай проверила число в мобильнике. Я пробыла в погребке три дня. На мобильнике было три пропущенных звонка от Саны. Он очень

не любил, когда я звонила ему сама, но я позвонила, он сказал, что уже выехал из Москвы и скоро будет дома. Я отправилась в ванную. Засунула платье и белье в стиральную машину, Взглянула на себя в зеркало. На лбу у меня был крест, нарисованный углем. Ноги и руки у меня были грязные, я долго стояла под струями теплой воды, затем помыла голову шампунем с запахом моря, Сана любил этот запах. Выйдя из ванной, я почувствовала, что я очень голодна. Достала из морозильника готовые телячьи котлеты, поставила их жарить. Отварила спагетти, приготовила салат из молодой капусты с яблоком. . Когда ужин был почти готов, приехал Сана. Он меня ни о чем не стал спрашивать, просто ел и ждал, когда я сама ему все расскажу и объясню, почему я не отвечала на звонки. Я ему все подробно рассказала после ужина. Как ни странно, он отреагировал очень спокойно, только выразил недовольство по поводу того, что я опять спускалась в погреб. Перед сном мы слушали игру на гитаре какого-то латиноамериканца. Эта музыка убаюкала меня и я крепко уснула после нежного секса с Саной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.